

Ефросин — составитель сборников и Ефросин — игумен и писец

Кирилло-белозерский инок и книгописец Ефросин привлек особое внимание филологов, занимающихся Древней Русью, и стал предметом специальных исследований сравнительно недавно. В XIX и первой половине XX в. он упоминался лишь в обзорах рукописей и памятников, переписанных его рукой; назывались три сборника, в которых было прямо указано, что их писал Ефросин, — сборник Кирилло-Белозерского собрания (ныне в ГПБ), № 11/1088 (далее: КБ-11) и № 6/1083 (далее: КБ-6), собрания Уварова (ныне в ГИМ), № 338 (894) (365) (далее: Увар.), а также два сборника, основной почерк которых может быть отождествлен с почерком Ефросина, — Кирилло-Белозерского собр., № 9/1086 (далее: КБ-9) и № 53/1130 (далее: КБ-53).¹ С начала 60-х гг. вышло в свет несколько работ, специально посвященных Ефросину. Была установлена по почерку и составу памятников принадлежность Ефросину еще одного сборника — ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099 (далее: КБ-22).² Семь листов из этой рукописи (с летописным текстом), вырванных П. М. Строевым, обнаружались в составленном археографом сборнике Погодинского собрания (ныне в ГПБ), № 1554.³ В этих работах впервые предлагалась общая характеристика культурных и литературных интересов Ефросина и того типа келейных «энциклопедических» сборников (включающих ряд светских и апокрифических памятников), которые он

¹ В а р л а а м. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Ученые записки Второго отделения АН. СПб., 1858. Кн. 5. С. 1—66; Н о р о в А. С. Путешествие Даниила по Святой земле в начале XII в. СПб., 1864. С. XI; Р у з с к и й Н. В. Сведения о рукописях (описание сборников), содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII в. // ЧОИДР. 1891. Кн. 3, отд. 2. С. 9—26 (Н. В. Рузский указал на идентичность почерка КБ-9 почерку Ефросина); Л е о н и д, а р х и м. Систематическое описание рукописей собрания гр. А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 474—480; Н и к о л ь с к и й Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века // ОЛДП. 1897. Вып. 113. С. 8, 17—29, 57—83; ср. с. XLIV—XLV (Н. К. Никольский отождествил «потребник Ефросинов», содержащийся в описи, со сборником КБ-6 и один из «сборников Ефросиновых», упомянутых там же, со сборником КБ-53; он высказал предположение и о том, что «почерк Ефросина» можно обнаружить в КБ-22); С п е р а н с к и й М. Н. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея // ЧОИДР. 1907. Кн. 2. С. 20, 53—72; С и м о н и П. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Вып. 3. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий // СОРЯС. 1922. Т. 100. № 2; С е д е л ь н и к о в А. Д. Литературная история повести о Дракуле // ИпоРЯС. 1929. Т. 2. С. 626 (далее приводим листы сборников Ефросина по последней (карандашной) нумерации).

² Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 132—138.

³ Д м и т р и е в а Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 251, примеч. 78.

составил.⁴ Наконец, было составлено полное аннотированное описание установленных (до сих пор по прямым указаниям и по почерку) рукописей Ефросина.⁵

Однако далеко не все вопросы, связанные с деятельностью Ефросина, можно считать решенными; текст его сборников содержит еще много загадок. Здесь нам хотелось бы обратить внимание на две записи Ефросина, явно требующие комментария. Одна из них содержится в сборнике КБ-11 рядом с апокрифическим «Сказанием о 12 пятницах»: «Аз Ефросин грѣшной, сего во зборѣ не чти, ни многим являй; впервые писал лѣто 6986 октября 8, 4 часы в сред же писал. Тое же зимы на игуменство поѣхалъ» (л. 235). Другая — в сборнике КБ-9: «На Москвѣ нѣкто тать именем Куладарь до 300 церкве покралъ» (л. 2).

Вторая из этих записей комментируется легче, чем первая. Имя Куладара (Кулодара, Кулудара) фигурирует в летописном своде, связанном, как и Ефросин, с Кирилловым Белозерским монастырем и отразившемся в Ермолинской летописи, Сокращенных летописных сводах и еще некоторых летописях. В Ермолинской летописи сообщается о том, что в 6950 (1442) г. Василий Темный порвал отношения со своим двоюродным братом и соперником Дмитрием Шемякой и пошел на него к Угличу, желая «изгонити» (т. е. напасть на него внезапно), но «подалъ ему вѣсть Кулодарь Ирешьскый. Он же убеже, а Кулодаря князь великий доличився, да велѣл ѿ кнутьем бити, по станом вода, да дьячство отнялъ у него. . .».⁶ В Сокращенных сводах после того же известия о разговоре с Шемякой и походе к Угличу сообщается только: «Тогды же и Кулудара Ирешьского кнутьемъ били»,⁷ — но несомненная логическая связь этого известия с известием Ермолинской о предательстве Кулодара (Кулудара) Ирешского заставляет предполагать, что в своде — протографе обеих летописей читались оба эти вытекающие одно из другого известия.⁸ Дальнейшая судьба Кулодара также может считаться установленной. Он становится дьяком князя Ивана Андреевича Можайского, главного союзника Шемяки и участника пленения и ослепления Василия II в 1446 г., в 6956 (1448) г. подписывает договор Василия Темного (вновь вернувшего себе московский престол) с Иваном Андреевичем: «А подписал дьякъ княж Ивановъ Андрѣевича Кулударъ».⁹ Кулударь («Кулудар») стал затем дьяком брата Ивана Андреевича — князя Михаила Андреевича Белозерского и подписал правую бессудную грамоту, данную князем Михаилом после 1455 г. Афанасию Внукову.¹⁰

В записи Ефросина ряд вопросов вызывает упоминание о поездке на игуменство зимой после октября 6986, т. е. зимой 1477—1478 гг. Куда поехал Ефросин и где он стал игуменом? Как согласуется эта поездка на игуменство с тем, что сборник КБ-11, где содержится запись, явно связан с Кирилловым монастырем и сохранился, как и остальные «энциклопедические» сборники, в рукописном собрании Кириллова монастыря?

В связи с этим особое значение приобретает документ, который до сих пор не привлекал внимания исследователей рукописного наследия Еф-

⁴ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 143—168; Дмитриева Р. П. 1) Приемы редакторской правки книгописца Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 276—291; 2) Четыре сборники как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 150—180.

⁵ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 1—300.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 150—151.

⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 346; ср. с. 272.

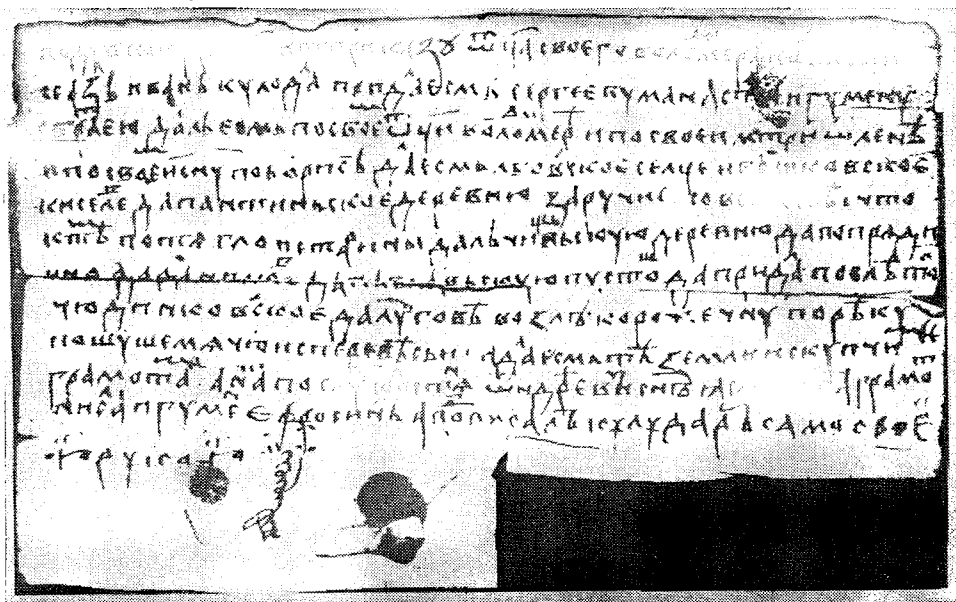
⁸ Ср. реконструкцию Севернорусского летописного свода 1472 г.: Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982. С. 420.

⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 51. С. 155.

¹⁰ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 167. С. 103.

росина. Это — данная грамота Ивана Владимировича Кулударя Троице-Сергиеву монастырю на ряд земель у реки Корожечны. Грамота Кулударя была известна в историко-юридической литературе достаточно давно: уже в 1884 г. она была опубликована Д. М. Мейчиком среди грамот XIV—XV вв. Архива Министерства юстиции, в 1889 г. — С. Шумаковым в числе угличских актов, а в 1952 г. включена в капитальное собрание троицких актов, подготовленное С. Б. Веселовским и изданное в качестве первого тома «Актвов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси».¹¹

Наиболее интересны для нас, конечно, заключительные слова документа: «А грамоту писал игумен Ефросинъ, а подписал Кулударъ своею

Грамота Ефросина—Кулударя Троицкому монастырю.

рукою». Перед нами, как видим, вместе фигурируют имена двух лиц, упомянутых в ефросиновских сборниках: сам Ефросин, выступающий здесь как раз в роли игумена, и Кулударь (так он назван в конце грамоты; в начале — «Кулодал»; правописание этого имени и в летописях было неодинаковым).

Когда написана грамота Ефросина—Кулударя Троицкому монастырю? Листок с грамотой не имеет водяных знаков. Д. М. Мейчик в комментарии сослался лишь на то, что имя Ивана Кулударя встречается в актах второй половины XV в.; С. А. Шумаков ограничился ссылкой на это указание Д. Мейчика.¹² С. Б. Веселовский датировал документ временем «около 1440-х гг. XV в.» — очевидно, на том основании, что предательство Кулударя, описанное в летописи, было совершено в 1442 г. и после него Василий II приказал его «кнутьем бити... да и дьячество отнял у него».¹³ Но значит ли это, что после 40-х гг. Кулударь не мог давать земли монастырю и вообще заниматься какой бы то ни было деятельностью? Такому

¹¹ ЦГАДА, ф. 281 (грамоты коллегии экономии), № 8/12841; АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 229. С. 163. Ср.: Мейчик Д. М. Грамоты и акты XIV—XV вв.: (Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции, кн. IV). М., 1884. № 28; Шумаков С. А. Угличские акты. М., 1899. № XXXIV.

¹² Мейчик Д. М. Грамоты и акты XIV—XV вв. С. 129; Шумаков С. А. Угличские акты. С. 71, примеч. 2.

¹³ АСЭИ. Т. 1. С. 163 и 608 (коммент. к № 229).

выводу противоречит уже то обстоятельство, что в 1446 г. Кулударь выступал в качестве дьяка князя Ивана Можайского, а в 1455 г. — Михаила Белозерского. Следует отметить, что и сам С. Б. Веселовский проявлял непоследовательность при датировке грамоты Ефросина—Кулударя: в другой своей работе он датировал ее 50-ми гг. XV в.¹⁴ Существенное значение для датировки грамоты Ефросина—Кулударя имеет сопоставление этой грамоты с жалованной грамотой Василия II Троицкому монастырю, имеющей точную дату — 10 марта 1455 г.¹⁵ В жалованной грамоте этой упоминается один географический пункт, фигурирующий и в грамоте Ефросина, — Лбово, и указано, что село Лбово дал монастырю «Володимер Ирецкой» (т. е. Ирежский — фамильное прозвище Кулударя, упоминаемое в летописи). Это — несомненно отец Ивана Кулударя, «Володимер Иванович», на «духовную грамоту» которого ссылался его сын в Ефросиновой грамоте, но в ней фигурировало не село Лбово, а «Лбовское селце Иванковское»; остальные географические наименования в обоих документах совсем не совпадают. Какая же грамота была дана ранее: включало ли Лбово, упомянутое в жалованной грамоте 1455 г., «сельце Иванковское» и другие пункты, названные в грамоте Ефросина—Кулударя, или же Лбово было дано Владимиром Ирецким еще до 1455 г., а в грамоте его сына были перечислены дополнительные пожалования монастырю? С. Б. Веселовский, вопреки предложенной им датировке грамоты Ефросина—Кулударя 40-ми гг., склонялся к последней точке зрения — в комментарии к грамоте Кулударя он писал, что «сельцо Лбово упоминается в первый раз в 1455 г.» и было «дано монастырю несколько раньше».¹⁶ Вполне возможно, что во время написания грамоты 1455 г. Владимир Ирецкий—Ирежский был еще жив, а другая грамота — Ивана Кулударя, данная по «духовной грамоте» отца, — была написана после смерти Владимира Ирежского. Во всяком случае мы можем датировать ее, как это делали Д. М. Мейчик и С. А. Шумаков, второй половиной XV в.

О каких землях идет речь в грамоте? Она начинается с указания, что земли даны Кулударем «Сергеева монастыря игумену», но, очевидно, этот не названный по имени троцкий игумен не то же лицо, что «игумен Ефросин», упомянутый в конце. Почему вообще игумен Ефросин выступал здесь в несколько необычной роли писца? Грамоты, написанные игуменами собственноручно, — явление чрезвычайно редкое в подобных актах. В трех томах АСЭИ перечислено 579 писцов жалованных, данных и других грамот монастырей. В огромном большинстве случаев документы эти писались владельцами земель, о которых шла речь в грамотах, часто — дьяками,¹⁷ но лишь в 4 грамотах из 579 писцами были игумены. Все эти четыре грамоты относятся к Троицкому монастырю, и в трех из них — во всех, кроме грамоты Ефросина—Кулударя, — указано, игуменами каких монастырей были писавшие их иерархи. Эти грамоты были «меновными»: речь в них шла об обмене землями между Троицким и небольшими монастырями — в двух случаях это был Стромьинский монастырь и грамоты писал игумен Стромьинский Афанасий, в одном — «Великая Пустынь», т. е. Галицкий Авраамиев монастырь, и писал грамоту игумен «Пустыни» Пахомий.¹⁸ В грамоте Кулударя речь идет не об обмене, и монастырь, игуменом которого был Ефросин, не назван. Но определить его все же можно. На месторасположение переданных Троице земель указывают географические реалии документа. Здесь названы река Коро-

¹⁴ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 253.

¹⁵ АСЭИ. Т. 1. № 254. С. 183.

¹⁶ Там же. С. 608 (в издании жалованная грамота Троицкому монастырю 1455 г. названа под ошибочным № 255; имеется в виду № 254).

¹⁷ Лицами без ясно обозначенного в грамотах социального положения (чаще всего землевладельцами) были 226 писцов, владельцами объектов грамот, земель и пр., — 48, дьяками — 114, чернецами — 52 (см. предметно-терминологические указания к трем томам АСЭИ, под словом «писцы»).

¹⁸ АСЭИ. Т. 1. № 75, 173, 151.

жечна и сельцо, примыкающее к Лбову, которое фигурирует в других троицких документах, в частности в грамоте 1455 г., где упомянут Владимир Ирецкий. Во всех этих документах речь идет об у г л и ц к и х землях, данных подведомственному Троице небольшому Прилуцкому монастырю Рождества Христова. «Что у них (у Троицы. — Я. Л.) монастырь Рождества Христова в Прилуке» — указывается во всех этих грамотах.¹⁹ «Прилук» — это излучина Волги на юге Углицкого княжества у самой границы с великим княжеством Тверским, Корожечна — левый приток Волги, протекающий по углицкой земле. Рождественский монастырь, с самого начала зависимый от Троицы, впоследствии совсем волился в состав Троице-Сергиева монастыря, и Писцовая книга 1593—1594 гг. его уже не знала, а просто перечисляла соответствующие земли угличского уезда среди Троицких владений: «село Прилуки . . . церковь Рождество Христово», — указывая, однако, что «в селе ж у тех церквей в келье игумен».²⁰ Речь, как мы видим, идет об очень скромном игуменстве, в чьем ведении находились углицкие земли Троицы. Немудрено, что игумен такого ранга мог сам выступать и в качестве писца.

Не сюда ли и «поехал на игуменство» в 1477—1478 гг. кирилловский книгописец Ефросин, и не он ли стал игуменом-писцом Прилуцкого монастыря Рождества Христова? В сборнике Ефросин не указал ни места, ни продолжительности своего игуменства, но оно явно не было ни особенно почетным, ни долгим. Если бы Ефросин стал игуменом в большом монастыре, например в самом Троице-Сергиевом, которому достались земли, данные Кулодарем, это наверняка нашло бы отражение в источниках.²¹ С грамотой углицкому Прилуцкому монастырю связывают книгописца Ефросина не только его записи о поездке на игуменство и о Кулодаре. В одном из его сборников обнаруживается и какая-то связь его с Углицкой землей. В выписке «От странника» Ефросин переписал известные и по другим спискам сведения о расстоянии от Москвы до Киева, от Киева до «Белаграда» (Белгорода Днестровского), от Белгорода до Царьграда (по морю), от Царьграда до «Святой горы» и «от Москвы до Волгы». К этим словам он приписал, очевидно впоследствии, другими чернилами: «От Белоозера до Углича 240 верст».²² Путешествие от Белоозера до Углича — это уже не указание из «Странника», а, как можно догадываться, отражение собственного житейского опыта книгописца.

В грамоте Прилуцкому монастырю сказано, что ее «писал игумен Ефросин, а подписал Кулодар своею рукою»; далее следует росчерк. Это надо понимать, по-видимому, в том смысле, что текст грамоты (кроме, возможно, слов «а подписал Кулодар своею рукою») написан игуменом Ефросином. Но совпадает ли почерк грамоты с почерком сборников Ефросина? Отождествление этих почерков затрудняется тем, что такой документ, как грамота, текст которой располагался по горизонтали, естественно, писался иначе, чем «келейные» сборнички, где на малом листе вертикальной формы писец старался уместить как можно больше текста. Особое значение поэтому имеет анализ отдельных букв в тексте грамоты.

Для почерка грамоты, как и для сборников Ефросина,²³ характерно написание букв з, р, у с длинными концами, далеко уходящими за пре-

¹⁹ Там же. № 189, 215, 254. Ср.: И в и н а Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л., 1985. С. 36.

²⁰ Писцовые книги Московского государства / Издаваемые Имп. Русским Географическим Обществом под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1872. Ч. 1, отд. 1. С. 24.

²¹ АСЭИ. Т. 1. С. 764—765 (хронологическая справка). Ср. перечень троицких игуменов, доведенный до Авраамия, у Ефросина — КВ-22, л. 164 об. (здесь и далее счет листов по новой пагинации).

²² КВ-22, л. 224 об. — Следует отметить, что и предшествующие слова «... Волгы 240 верст» вписаны дополнительно по вытертому тексту; очевидно, первоначально указывалось расстояние от Москвы до иного географического центра.

²³ Характеристику почерка этих сборников см.: В а р л а а м. Описание сборника XV столетия. . . С. 2—3; Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 133, 134—137, рис. 1—4.

Все эти черты сближают почерк грамоты с почерком сборников Ефросина. Но необходимо отметить и некоторые различия. Г в грамоте в большинстве случаев (но не всюду) имеет хвостик, спускающийся под строку; в сборниках такое написание редко. Однако и оно обнаруживается (в начале слов) в нескольких случаях.²⁷ В грамоте преобладает одностороннее Ч, в сборниках — симметричное, но одностороннее Ч также встречается.²⁸ В грамоте в букве Ъ коромысло почти всюду помещено над строкой (с двумя исключениями, в 5-й и 8-й строках, где оно на уровне строки, но левое крыло опущено вниз); в сборниках коромысло в Ъ обычно на уровне строки. Однако сплошной просмотр сборников Ефросина обнаруживает ряд случаев, когда коромысло, как и в грамоте, написано над строкой.²⁹ Буква ъ читается в грамоте четыре раза (строка 10-я и 11-я) (из них два приходится на слова «а подписалъ Кулударъ»), при этом в первом случае верхняя поперечная черта образует прямой угол с главной линией, а левый крючок опущен перпендикулярно вниз; в подписи «Ефросинъ» и «Кулударъ» он как бы развевается. В сборниках почти всюду крючок на ъ округленный. Однако обратившись к тем разделам, которые Ефросин писал более мелким почерком (очевидно, и более небрежно), мы систематически встречаем там ъ с высокой поперечной чертой, образующей прямой угол с главной линией. Встречается и крючок, опускающийся перпендикулярно вниз.³⁰ Уникально написание буквы Х, читающейся в грамоте только один раз (в 1-й строке); правая линия сверху спускается вниз почти вертикально. Но необычный вид этой буквы легко может быть объяснен тем, что она содержится в слове духовнъ (без титла); вполне вероятно (это предположение подсказала мне М. Д. Каган), что первоначально Ефросин начал писать букву у, но затем прибег к сокращению и переправил довольно обычное для грамоты у на х. Заметим, что в троичных грамотах второй половины XV в. в слове «духовная» (грамота) буква «у» иногда писалась, иногда опускалась,³¹ а иногда в одной грамоте встречались и оба написания.³² Один раз встречается в тексте и буква ф — в подписи «Ефросин», где она имеет специфическую, несколько причудливую форму (с загнутыми верхним и нижним концами). Буква ж, также встречающаяся в грамоте один раз (в слове «Корожечну»), составлена из вертикальной линии с двумя диагоналями; правая диагональ имеет сверху необычный крючок; в сборниках написание, как правило, более сложно (вертикаль и две дуги), однако написание тремя линиями также встречается, обычно в выносных.³³ Иная, чем в сборниках Ефросина, выносная м в грамоте:

наруживается и в других сборниках; ср.: Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 135, рис. 2. КБ-6, л. 347 об., строка 3-я снизу; КБ-22, л. 301, строка 8-я сверху.

²⁷ КБ-6, л. 241 об., строки 11-я и 19-я сверху; КБ-9, л. 177, строка 8-я сверху; КБ-11, л. 237, строка 9-я снизу, л. 237 об., строка 6-я сверху.

²⁸ Ср.: Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 134, рис. 1. КБ-22, л. 505, строки 4-я и 5-я сверху; КБ-6, л. 61 (запись на поле); КБ-9, л. 356, строка 4-я сверху; КБ-11, л. 235, строка 2-я сверху.

²⁹ Постоянно встречается ъ с коромыслом над строкой в сборнике КБ-22, на л. 4—46 об., написанном более мелким почерком и содержащем летописец и сочинение Дионисия Ареопажита (ср. несколько листов из этой части сборника, включенных П. М. Строевым в ГПБ, собр. Погодина, № 1554, л. 12—18. Ср. рис. на с. 354). См. также: КБ-22, л. 107 (на поле), л. 197, строка 14-я сверху, л. 236 об., строки 7-я и 11-я снизу, л. 432, строка 8-я сверху; КБ-9, л. 88, строка 3-я снизу; КБ-6, л. 236, строки 12-я и 15-я сверху; КБ-11, л. 228, строка 1-я сверху, л. 407 об., строка 14-я сверху.

³⁰ КБ-22, л. 4—46 об.; собр. Погодина, № 1554, л. 12—18, 190, 191, 235 об., 248 (встречается многократно); КБ-9, л. 87 об., строки 6—7-я снизу. Ъ с опущенным перпендикулярно вниз крючком — собр. Погодина, № 1554, л. 16 об., строка 1-я снизу.

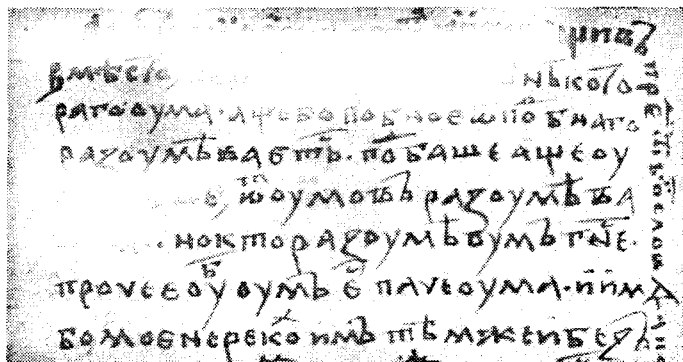
³¹ АСЭИ. Т. 1. № 164, 625. Ср. № 457, 472, 501.

³² АСЭИ. Т. 1. № 251 (с. 180: «А душевную писал. . . »).

³³ КБ-9, л. 2, строка 6-я сверху, строка 7-я снизу. Выносные см.: Л у р ь е Я. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина. . . С. 136, рис. 3: КБ-22, л. 353 об., над 5-й строкой снизу; ср.: КБ-11, л. 228 об., строка 1-я, 6-я сверху.

она написана бегло, как бы скорописью. Возможно, что это отличие (как и своеобразное написание буквы ж) объясняется именно тем, что перед нами — грамота; в троицких грамотах того времени мы наблюдаем тенденцию перехода полуустава в скоропись; выносное м имеет скорописную форму. Пример скорописного выносного м можно найти и в сборнике Ефросина.³⁴

Функциональными различиями между грамотами и сборниками объясняется, на наш взгляд, и одна особенность правописания в грамоте Ефросина — Кулударя: в сборниках Ефросина употребляется сложное правописание оу (кроме одного случая, указанного мне Д. Л. Лурье), изредка лигатура ъ, между тем как в грамоте всюду у и лишь в 1-й строке лигатура ъ. Обратившись к троицким грамотам того времени, мы можем убедиться, что их писцы, даже знавшие употребление оу и ъ, предпочитали простую форму у.³⁵

Фрагмент из сборника Ефросина (ГПБ, собр. Погодина, № 1554).

Если считать, что игумен Ефросин, написавший данную грамоту Кулударя, — кирилло-белозерский книгописец, то это связывало бы грамоту с обеими записями на его сборниках: о поездке на игуменство и о «тате Кулударе». Столь резко и определенно охарактеризованная Ефросином в сборнике деятельность Кулударя Ирежского относилась, скорее всего, к тому времени, когда в Москве распоряжались Шемяка и Иван Можайский, а оказавший в 1442 г. Шемяке важную услугу Кулударь был дьяком Ивана Можайского — влиятельной личностью, имевшей возможность распоряжаться церковным имуществом. Тридцать лет спустя ему пришлось расплачиваться за прошлое и замаливать грехи.³⁶

³⁴ Собр. Погодина, № 1554, л. 17 об., строка 9-я сверху. Ср.: Архив ЛОИИ, колл. 2 (Строева), оп. 1, № 125, над строкой 5-й снизу.

³⁵ Собр. Погодина, № 1554, л. 16 об., строка 7-я сверху (у без ъ); КБ-9, л. 2, строка 8-я снизу (лигатура). Ср.: АСЭИ. Т. 1. № 239, 240, 245, 247, 248, 251, 257, 260—265, 271, 278, 302, 311, 322, 323, 327, 334, 342, 359, 365—368, 371, 375, 400, 401, 403, 435, 437, 444, 446, 451, 463, 467, 476, 480 и др. (Ср. также: АСЭИ. Т. 2. № 236, 237, 238 и др.).

³⁶ Теоретически возможно и иное понимание взаимоотношений между «Кулударем Ирежским» летописей и «Кулударем» записи Ефросина. «Кулударь (Кулударь)», названный в летописях (и в грамотах, где он выступает как дьяк), мог быть не Иваном Владимировичем, а Владимиром Ивановичем Кулударем. Толкование грамоты Ефросина — Кулударя от этого мало изменилось бы: можно считать, что Владимир Кулударь в 40-х гг. грешил, а сын Иван по «духовной» отца расплачивался за его грехи. Однако такому толкованию препятствует то, что прозвище (мирское имя) отца обычно передавалось сыну в форме родительного падежа: Иван Владимирович назывался бы не Кулударь, а скорее Кулударев. Скорее следует предполагать, что и грешил и расплачивался за грехи все тот же Иван Кулударь Ирежский, но в 40-х гг. он был еще молодым человеком: если в 1442 г. ему было лет 30, то в конце 70-х гг. XV в. лет 65—68. Отец его, к 70-м годам уже умерший, был, естественно, еще старше.

Отправление на игуменство в Углицкое княжество едва ли было предпринято Ефросином по указанию его кирилловского духовного начальства: Кириллову монастырю не было нужды заботиться о земельных владениях Троицы. Скорее напротив — это было уходом из монастыря.

60—70-е годы были временем острой политической борьбы в Кирилловом монастыре — пять раз за эти годы происходила смена игуменов.³⁷ В 1471—1475 гг. игуменом был Игнатий, покровитель книгописания, которому Ефросин не раз помогал в составлении сборников. Еще при Игнатии, во всяком случае до 1473 г., Ефросину была поручена переписка обширного Торжественника (ныне в ГИМ, собр. Уварова, № 338). Книга эта была совсем не похожа на обычные сборники Ефросина, и работа над нею явно отягощала его, о чем свидетельствуют длительность переписывания и многочисленные записи, сделанные писцом по окончании каждого из разделов. Обычная продолжительность работы Ефросина над рукописями нам известна — несколько листов в день (за 11 дней он переписал «Хождение игумена Даниила», занимающее 59 л., — КБ-9, л. 138 и 193; за месяц и 13 дней — «Службу страстей господних», занимающую 91 л., — КБ-9, л. 356). Торжественник имел более крупный формат (в четверку), чем большинство рукописей Ефросина, но и в этом случае Ефросин мог при желании переписывать в день по несколько листов. Но записи Ефросина (он отмечал на Торжественнике не только год, месяц и число окончания каждой части, но даже день недели и час) свидетельствуют о крайней неравномерности его работы. Сколько времени заняла первая часть, мы не знаем (Ефросин отметил (собр. Уварова, л. 161) только время ее окончания — 30 января 6981 (1473) г.). Вторую часть он переписал к зиме 6982 (1473—1474) г. (собр. Уварова, л. 219 об.), очевидно год спустя; объем ее — 58 л. Следующую часть переписал 17 декабря 1474 г. (собр. Уварова, л. 399); объем ее составляет 180 л.; интервал между двумя записями — почти год. Следующая запись — «декабря 21 в среду вечер час ночи» (л. 411 об.), и интервал составляет 12 л., — если имеется в виду тот же год (декабрь 6983—1474 г.), то Ефросин переписал эту часть текста всего за 4 дня — возможный для него срок. Но следующая запись — «в лето 6985 декабря 21 (декабрь 1476 г.) в субботу вечер час 6» (л. 487 об.), — получается, что текст в 76 листов Ефросин переписывал два года. Конечно, это не просто медлительность — книгописец предпочитал вместо порученного ему труда писать более интересные сочинения: именно осенью 6984 (1475) г. он переписывал «Хождение игумена Даниила».

Но в 1476 г. произошла очередная смена игумена Кириллова монастыря. Игуменом стал Нифонт, строгий ревнитель церковного благочестия, которого впоследствии (когда Нифонт стал епископом Суздальским) виднейший обличитель ереси Иосиф Волоцкий назвал «главой всем».³⁸ Резко изменился темп работы Ефросина над Торжественником. Последние 130 л. он написал за 5 месяцев — с декабря по апрель 6985 (1476—1477) г., но зато пятикратно отметил окончание каждого раздела (собр. Уварова, л. 507 об., 520, 535 об., 543, 637) и заключил всю работу записью (л. 638): «Бог мя избавиль. . . Сильно есмь рад, коли кончал строку последнюю. . .».

«Не за епитимью ли написана эта огромная книга? Нетерпеливое многословие писца высказывает что-то подобное», — заметил известный археограф XIX в. архимандрит Леонид.³⁹ Конечно, это только предположение, но предположение, высказанное ученым, хорошо знавшим и древнерусскую письменность и церковную практику. Подтверждением предположения архимандрита Леонида и вместе с тем свидетельством некоторой необычности поведения книгописца при изготовлении Торжественника может слу-

³⁷ Ср.: АСЭИ. Т. 2. С. 694—695.

³⁸ Ср.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 54—57, 238.

³⁹ Леонид, архим. Систематическое описание рукописей. . . Ч. 1. С. 480.

жить запись Ефросина после слов «Богъ мя избавиль»: «Фертъ лежачей Ѡ девять держит фертъ стамячей Ф пятьсот держить». Запись неуместная, загадочная и едва ли благопристойная. Запись эта была впоследствии затерта (хотя читается достаточно ясно), и к ней была сделана приписка иным почерком: «О, горе окаянному, внимающему сего свѣта житие».⁴⁰ Видимо, благочестивая книгописная работа не исправляла любителя письменности, отражающей интересы и «житие сего света».

Неблагочестивая запись на «святой книге», работа над которой тянулась четыре года, как и вся деятельность составителя «келейных» сборников, очевидно, не могла остаться без последствий при Нифонте — через полгода с небольшим после переписки Торжественника и вскоре после окончания написания не предназначенного для посторонних глаз «Сказания о 12 пятицах» Ефросин покинул Кириллов монастырь.⁴¹

Но деятельность Ефросина как игумена Прилуцкого Рождественского монастыря в Углицком княжестве едва ли была продолжительной.⁴² Во всяком случае никаких других отражений этой деятельности, кроме рассмотренной грамоты, мы в известных нам памятниках не находим. А уже к сентябрю 6988 (1479) г. относится одна из его важнейших книгописных работ — создание древнейшего из дошедших до нас списков «Задонщины», переплетенного (вместе с различными статьями 70—90-х гг.) в сборнике КБ-9. Где писались «Задонщина» и сборник в целом? Архимандрит Варлаам, описывавший его, предполагал, что это происходило не в Кирилловом монастыре, ибо в сборнике содержатся выписки из «Устава Кириллова».⁴³ Это малоубедительный аргумент: ссылаться на «Устав Кириллов» можно было и находясь в том же монастыре. Последний по времени ефросиновский сборник, КБ-11 (90-е гг.), во всяком случае был создан в Кирилловом монастыре, ибо иллюстрировал его кирилловский «зуграф» (художник) Ефрем.⁴⁴ В той же обители, как мы знаем, сохранились и все «энциклопедические» сборники Ефросина.

Основным поприщем Ефросина была отнюдь не административная работа. Он был прежде всего книгописцем — и в этой роли остался в истории русской культуры.

⁴⁰ ГИМ, собр. Уварова, № 338 (894) (305), л. 638. — Ссылка на числовое значение букв е и Ф сама по себе непонятна: число 509 не фигурирует в рукописи; общее количество листов Торжественника, указанное самим Ефросином, — 639 («Тетради 64 без листа, а листов 600 и 40 без листа, а в тетради по 10-ти листов» — л. 638 об.). Ср.: Л у р ь е А. С. Книгописец Ефросин и борьба против «глумов» и смеха в древнерусской письменности // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1985. Vol. 31—32. P. 257—267.

⁴¹ Вероятно, Ефросин уходил из Кириллова монастыря не один раз: к нему может относиться полукриптографическая запись в «Германовом сборнике» (ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 101/1178, л. 257): «... отшел Ефросин, жил год да три месяца и две недели, а луне 5 круг, лет в руке а, месяца мая по Николене дни», — предположительно датированная 1470—1471 гг. (Л у р ь е А. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина... С. 142, примеч. 75; предшествующие слова «круг солнца, ме(сяц)» прочитаны были в этой статье ошибочно как «круг солнцу 35» — едва ли они связаны с последующими словами).

⁴² Грамота Ефросина — Кулударя может быть суммарно датирована 1477—1478 гг. — временем поездки Ефросина «на игуменство». Но Г. П. Семенченко любезно обратил мое внимание на одно обстоятельство: грамота Ефросина — Кулударя называет «Сергеева монастыря игумена» без имени; возможно, это означает, что грамота была дана в период, когда в Троицком монастыре не было игумена. Тогда временем написания Ефросином грамоты мог быть период с июня по ноябрь 1478 г., между последним упоминанием игумена Авраамия (АСЭИ. Т. 1. № 455) и первым — Паисия Ярославова (№ 458).

⁴³ В а р л а а м. Описание сборника XV столетия... С. 2.

⁴⁴ Л у р ь е А. С. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина... С. 141.